

Шпиллер Леонид Иосифович

Г.К. - На сайте находятся два десятка интервью с истребителями танков, издана книга, сборник интервью, посвященный иптаповцам-противотанкистам, но раскрыть полностью тему войны в ИПТАПах не представляется возможным: судьба, мужество личного состава и боевой путь каждого истребительно-противотанкового полка достойны своей отдельной книги.

Расскажите о своей части, о 502-м Уманском ордена Богдана Хмельницкого ИПТАПе. Структура, штаты, особенности ведения боевых действий Вашего полка.

Л.Ш. - 34-я отдельная ИПТАБР имела в своем составе три полка.

Наш 502-й полк имел на вооружении 76-мм орудия, а два других полка - орудия калибра 45-мм и 57-мм. Часть являлась подразделением РГК, нас все время перебрасывали с одного направления или участка фронта на другое, но был довольно долгий период в 1943 году, а потом в конце войны в Венгрии, когда бригада была придана кавалерийскому казачьему корпусу генерала Плиева. Бригадой командовал полковник Гришин, толковый артиллерист, который хоть и изредка появлялся в нашем полку, но оставил о себе неплохое общее впечатление. Нашим 502-м ИПТАПом командовал подполковник Гордеев, хороший мужик из кадровых командиров Красной Армии.

Начальником штаба был майор Орлов, нелепо погибший от случайного осколка в последние дни войны (он спал в землянке, рядом с которой разорвался шальной снаряд, и один-разъединственный осколок залетел в землянку и сразил майора наповал). Замполитом полка являлся майор Зарецкий, порядочный и лично смелый человек, вроде украинец по национальности, говорил он с характерным акцентом.

502-й полк состоял из 5 батарей, и в начале 1943 года 1-й батареей командовал капитан Саенко, 2-й батареей - я, 3-ей - мой близкий друг старший лейтенант Андрей Сахаров, до войны работавший мастером на ткацкой фабрике. Четвертой батареей командовал старший лейтенант Василий... Не могу сейчас сразу вспомнить его фамилию, как и фамилию комбата - 5-й, боюсь ошибиться..., запомнил...

На батарее четыре 76-мм орудия, на каждое - расчет из семи человек. Свой взвод управления: разведчики, связисты, включая радиорасчет. Отделение автомобильной тяги - водители на американских машинах: на батарее было семь "студебеккеров" (4 - для перевозки орудий, 2- для перевозки снарядов, и один "студер" в распоряжении старшины батареи, для перевозки кухни, продуктов и так далее), и две грузовые машины "шевроле" - для солдат взвода управления. Было свое хозяйственное отделение, которым командовал пожилой мужик старшина Евсюков, резкий, властный, не всегда выдержанный, но "сохранявший дистанцию" в общении с офицерами.

Всего на батарее служило примерно 70 -75 человек. Национальный состав солдат батареи был очень пестрым: треть - русские, треть - украинцы, остальные - представители народов Кавказа и Средней Азии, а также татары, чуваша, башкиры, два еврея.

Своего санинструктора у нас не было, санслужба находилась при штабе полка: несколько девушек санитарок и полковой врач Гуляев, хороший парень, которого после его ранения заменил человек, о котором надо сказать, что это был Герой с большой буквы. Военфельдшер, старший лейтенант Петя Иванов, человек безграничной смелости. Иванов появлялся в самой гуще боя, под любым огнем противника, не обращая внимания на немецкие танки, атакующие батарею и находящиеся в 100-200 метрах от нас, он "выхватывал" раненых на огневых позициях и на своей санитарной машине эвакуировал их с поля боя в ближайший санбат, не позволяя раненым истечь

кровью до того момента, когда бой прекратится. В затишье Петя Иванов сам мастерски лечил личный состав от всех хворей и недугов. Это был уникальный человек.

Отделения боепитания или мастера - оружейника на батарее не было, подвоз снарядов находился в ответственности начбоепита полка, а в полку имелись свои артиллерийские мастерские, которыми командовал старший лейтенант Миша Шнаперман и свои автомастерские. Но если случалась какая-то не очень серьезная поломка в автотехнике, то ее всегда устранял мастер на все руки, командир отделения тяги Володя Сенченко.

Г.К. - Как приняли на батарее нового комбата?

Л.Ш. - Пришел на батарею, принял командование, представился личному составу, все было обычно и буднично, как и принято в боевой обстановке, без митингов и застолий.

Была только одна деталь - я прибыл на батарею в лейтенантском звании, а командиром первого огневого взвода был офицер в звании старшего лейтенанта, украинец Герман, средних лет мужчина, еще из кадровых командиров. По-русски он говорил с заметным украинским акцентом. Он был смелым офицером, но слабо разбирался в премудростях артиллерийского дела, мог стрелять только с прямой наводки, и поэтому его не назначили командиром батареи, и он воспринял этот факт как личное оскорбление.

Со старшим лейтенантом Германом мы провоевали вместе два с лишним года, оба оставаясь в прежних званиях, но близкими товарищами так и не стали.

Г.К. - Некоторые ветераны, бывшие иптаповцы, считают, что воевали "в смертниках", другие противотанкисты категорически не согласны с подобным утверждением.

Как у Вас на батарее люди относились к тому факту, что попали служить в ПТА - ИПТАПы? Какие потери понес полк за период 1943-1945 годы?

Л.Ш. - Смертниками мы себя не считали. Служба в ИПТАПах считалась более сложной и во много крат более опасной, чем, скажем, в служба в обычных артполках стрелковых дивизий, не говоря уже о артиллерии тяжелого калибра или о реактивной артиллерии, но... За два с лишним года потери нашего полка составили 80% от состава начала сорок третьего года, при этом, в строю, "из старичков", в основном остались солдаты и офицеры вспомогательных подразделений, несколько человек из взводов управления и штабные. Артиллерийские расчеты за это время поменялись многократно, я помню только одного бойца, пожилого украинца, веселого мужика, продержавшегося до конца войны в составе расчета. Потери мы несли довольно серьезные и в каждом бою, без исключения, но пополнение в наш ИПТАП шло непрерывно. Все бойцы и офицеры батареи воспринимали свою службу в противотанкистах, в частях под названием "Прощай Родина", спокойно, как данность, как свою фронтовую судьбу.

За два с лишним года в нашем ИПТАПе не было ни единого случая, чтобы артиллеристы отошли с позиций или бросили бы свои орудия в бою. Стояли насмерть.

Единственный трус был нашим в полку еще до моего появления в нем, и об этом случае рассказывали как о чем-то из ряда вон выходящем. Один боец дезертировал с батареи, но не в тыл, его обнаружили в соседней стрелковой части.

С моей батареи, из тех, с кем я начинал воевать зимой сорок третьего года, до конца войны в полку довоевали старший лейтенант Герман, командир отделения тяги Сенченко, старшина Евсюков, радист Семенов, и два огневика: помковзвода сержант Брызгалов и старший сержант Малинин, а также помощник командира взвода управления батареи сержант Ляшков. Кстати, Семенов был у меня на батарее еще в сорок втором году, в 789-м артполку на Воронежском фронте. Семенов был ранен, и после госпиталя попал в новую часть, в 502-й ИПТАП, в мою батарею, как говорится, - мир тесен. Семенов был белорусским евреем, но носил фамилию русского отчима.

И еще один лейтенант - командир огневого взвода, сибиряк Женя Скокшин, награжденный за бои под Уманью орденом Боевого Красного Знамени, но его в 1944 году перевели с батареи командиром полкового взвода управления.

Потери мы несли не только во время боевых столкновений с танками противника, но и от бомбежек прямо на передовых позициях или бомбежек на марше, а в конце войны, когда неоднократно приходилось вести бои в городских условиях, мы многих потеряли от огня снайперов. Со второй половины сорок четвертого года шансов выжить, воюя в ИПТАПе, стало намного больше, нас уже реже ставили на прямую наводку, мы чаще поддерживали наступающие подразделения, как обычная артиллерийская часть, да и в сорок пятом году, скажем в Чехословакии, встречи с немецкими танками (уже после "венгерских" боев в Дебрецене, в Будапеште, и после "мясорубки" в Секешфехерваре) можно пересчитать на пальцах одной руки. Отношение к возможной смерти у каждого бойца и офицера было сугубо личным, кто-то надеялся выжить, кто-то заранее уже считал себя покойником, но у нас в ИПТАПе не было принято вслух говорить на эту тему. Я лично остаться в живых и не мечтал, ежеминутный смертельный риск не позволял на что-то надеяться, за моими плечами уже было столько тяжелейших, кровавых и истребительных боев, во время которых желание дожить до вечера казалось мне несбыточной фантазией... И многие думали так же... Не могло долго везти человеку на передовой на такой длинной войне. Одно ранение, второе, а дальше - смерть, лимит везения, отпущенный фронтовой судьбой, был исчерпан. Смерть и судьбу не обманешь... Но вот весной сорок пятого, когда у нас появилась надежда дожить до конца войны, в какой-то степени стало сложнее воевать, многие не хотели рисковать, а приходилось...Люди вдруг почувствовали что и в ИПТАПе можно уцелеть, конец войны был совсем рядом, рукой подать...

Восьмого мая 1945, в Чехословакии, когда мы уже знали, что пал Берлин, был получен приказ - занять позиции и закрыть путь прорывающейся из окружения группировке войск СС. Мы заняли огневые позиции в селе, расположенном на склоне горы, местное чешское население по нашей просьбе покинуло свои дома и поднялось на вершину горы, а мы изготовились, замаскировали орудия, и стали ждать немцев, звуки непрерывного боя приближались к нам...Я до сих пор не могу забыть лица своих артиллеристов в эти минуты напряженного ожидания боя и возможной смерти... Никто не хотел умирать...

И нам повезло, немцы прорвались в стороне, в нескольких километрах от нас, так и не "задев" своим наступающим валом позиции 2-й батареи. Потом по радиации нам передали приказ прибыть на место сбора полка и на этом, 8-го мая, война для нас закончилась...

Г.К. - Каким было максимально большое количество танков противника, атакующих Вашу батарею? Какие потери несла непосредственно вторая батарея в таких боях?

Л.Ш. - Обычно, в столкновениях с немецкими танками, на участок находящийся в зоне ответственности огня батареи шло по 5- 7 немецких танков, но вот под Уманью в сорок третьем был сильный бой, когда позиции батареи атаковали десять танков противника, и в этом бою расчеты потеряли 15 человек. Меня в тех боях ранило осколком мины в ногу, но кость не задело, и я бригаду не покинул, лечился в санбате. На контузии, вообще, мало кто внимание обращал, походишь после контузии несколько дней как пьяный, а потом все как-то само собой возвращается, и слух и координация движений.

Но не было у меня на фронте ни разу, чтобы немецкие танки передавили бы полностью всю мою 2-ую батарею и стерли нас с лица земли "под корень"... Бог миловал... Были случаи, что погибали почти полностью под немецкими гусеницами два расчета из четырех, а их орудия были раздавлены, да и третье орудие разбито прямым попаданием снаряда, расчет выведен из строя, но одно орудие всегда оставалось целым и вело огонь по танкам до конца боя. Расчеты, как правило, располагались уступом или в "шахматном порядке", в зависимости от условий местности, на расстоянии друг от друга с определенными интервалами, и даже если какое-то орудие было раздавлено немецким танком, то соседний расчет мог поразить этот танк выстрелом

в бортовую броню. Тяжелый немецкий танк не всегда снарядом в лоб возьмешь, старались бить по гусеницам или заклинить башню, но в борт мы били и жгли "тигры" за милую душу.....

Не было на моей памяти и таких случаев, чтобы в нашем ИПТАПе в бою полностью погибла одна из батарей. А может, нам просто крупно везло...

В Секешфехерваре на нас шла танковая лавина, но там ИПТАПы стояли полками в линию, и посчитать сколько конкретно немецких танков шло именно на мою 2-ю батарею, я сейчас не берусь... Всего на боевом счету нашей 34-й отдельной ИПТАБригады свыше 160 уничтоженных немецких танков. Считаю эту цифру достоверной.

Г.К. - В это количество уничтоженных танков противника Вы внесли свою весомую лепту. В Вашем послужном списке, в офицерской характеристике от 1945 года, написано, что Вы лично за войну уничтожили семь немецких танков. Как это происходило?

Л.Ш. - Идет бой с танками. Расчет орудия выбивает, или погибает наводчик, то тогда мне приходилось самому вставать к панораме и вести огонь. Один раз мне даже посчастливилось сжечь два танка за один бой.

Танки атакуют, вдруг одно орудие замолчало. Побежал к ним на огневую: расчет частично побит, танковый снаряд прошел щит орудия и оторвал наводчику голову, а те, кто остался в живых, пребывали в состоянии шока. Встал на место наводчика и два танка сжег...

Г.К. - Вы сейчас сказали, - "расчет находился в шоковом состоянии".

Какая работа проводилась с прибывающим на батарею пополнением, чтобы избежать подобных ситуаций?

Л.Ш. - Пополнение прибывало "разношерстное", и заранее предугадать, как новичок поведет себя в бою, было трудно. Конечно, комиссары, комсорги, парторги и прочие "полковые агитаторы" проводили с пополнением политработу, укрепляли боевой дух, а батарейные "старички" обучали новых бойцов действиям в составе расчета орудия. Из наиболее толковых подбирались наводчики, а из обстрелянных фронтовиков, прибывших в полк после госпиталей, могли назначаться командиры орудий. Все расчеты тренировались на взаимозаменяемость, убитого наводчика мог заменить командир орудия или кто-нибудь из орудийных номеров, но основная проверка, кто чего стоит, происходила только в настоящем бою. Еще раз подчеркну, что подавляющее большинство солдат и офицеров ИПТАПа показали себя на фронте стойкими и бесстрашными людьми. Весь личный состав батареи, без исключения, имел по праву заслуженные боевые награды.

Главное, для новичков, для необстрелянного пополнения - пережить первый бой и не сломаться психологически. Бой затихает, на огневой валяются трупы товарищей, лежат в лужах крови раненые батарейцы, слышны стоны, стоят разбитые орудия, все в дыму, запах гари и крови, земля изрыта свежими воронками, уцелевшие из окопов и ровиков выкапывают еще живых, заваленных землей бойцов. Кто-то оглушенный и весь в крови сидит на земле, смотрит по сторонам безучастным мутным взглядом, и руки его трясет мелкой дрожью. Разок такое переживешь, устоишь, выдержишь, а дальше уже воюешь спокойно, воспринимая все происходящее с тобой и вокруг тебя как должное, как неизбежные будни войны.

Г.К. - А по каким критериям производилось награждение солдат и офицеров батареи ИПТАПа? Кто решал вопрос о награждении офицерского состава артчасти РГК ?

Л.Ш. - Как правило наградные заполнялись в штабе полка по итогам боев, там собирались все данные, кто сколько танков подбил, и кто как вел себя в каждом отдельном боевом эпизоде, и эти наградные листы передавались в штаб бригады для дальнейшего рассмотрения и решения. Но несколько раз из штаба полка поступало прямое распоряжение комбатам, лично представить к наградам отличившихся бойцов батареи, при этом указывалось количество - "не более пяти (или

не более семи) человек", так что, в таких случаях количество наград выделенных на каждое подразделение полка было заранее лимитировано. Наградные листы проверялись и "фильтровались" политработниками и полковым "особистом", и если они не находили у представляемого к награде "греха за душой" или "темного пятна в биографии", то реляция шла в вышестоящий штаб. Но кто решал далее судьбу наградных листов нашего отдельного полка из бригады РГК я понятия не имею, но логично было бы предположить, что нашими наградами распорядился штаб артиллерии армии, которой в тот момент мы были приданы. В нашем полку, кстати, были два сержанта, полные кавалеры ордена Славы 3-х степеней. Насчет представления к наградам офицеров в должности от комбата и выше - мы никогда не знали, когда и за что на нас заполнены наградные листы, никто нам об этом заранее не говорил, ни подполковник Гордеев, ни начштаба Орлов, и только потом, когда вручался орден, мы примерно могли предположить, за какой именно бой удостоены. Я за войну получил два ордена Красной Звезды и орден Отечественной Войны. Когда лежал в госпитале в Барнауле, то мне товарищ из 789-го АП 251-й СД написал, что я представлен к ордену за бои под Воронежем, но я не стал интересоваться судьбой этого представления или "разыскивать орден" после войны, относился к наградам всегда спокойно... Высокими орденами младших офицеров 502-го ИПТАПа не "баловали", в полку был единственный офицер, лейтенант Скокшин, с орденом Красного Знамени и один комбат удостоенный ордена Александра Невского.

Г.К. - Батареям 502-го ИПТАПа приходилось действовать в боевой обстановке без пехотного прикрытия, самим, "огнем и колесами" вести наступление или принимать стрелковый бой? Каким стрелковым и другим оружием были вооружены артиллеристы батареи?

Л.Ш. - Как правило, и в наступлении, и в обороне на прямой наводке, своя пехота всегда была перед нами или сопровождала нас на флангах. Редко когда передовая держалась только силами ИПТАПа. Но в Венгрии, например, произошел один эпизод.

Перед нами село, все кирпичные дома с крышами из красного черепицы. Из штаба полка передают приказ: ворваться в село, закрепиться и завязать бой. Сели по машинам и на максимальной скорости, на полном ходу, распродоточившись в линию проскочили три километра, отделявшие нас от этого села. Если бы немцы нас заметили, то спокойно бы расстреляли все машины моей батареи из орудий и пулеметов, но когда мы ворвались на окраину села то немцев на ней не оказалось. Орудия сразу поставили вдоль домов, все батарейцы с автоматами в руках заняли оборону. И тут из-за угла появился немецкий танк, но пока он разворачивал башню, мы его подбили в борт.

Батарея была вооружена карабинами, автоматы ППШ мы так и не получили до самого конца войны, но все солдаты и офицеры имели трофейные немецкие автоматы, на батарее также был 82-мм миномет с большим запасом мин и мы были полностью готовы к отражению пехотной атаки немцев в случае необходимости.

Кроме того, нейтральная полоса перед позициями батареями минировалась противотанковыми и противопехотными минами, ящики с которыми хранились на машинах вместе с боекомплектом снарядов. Я немного знал саперное дело и всегда занимался минированием "нейтралки" лично. Пулеметов на батарее мы не держали, но вот чего было навалом, так это противотанковых гранат, ящики с которыми стояли прямо на огневых позициях и в окопах, вырытых рядом с пушками. Если орудие было раздавлено, то расчет прыгал в окопы и артиллеристы кидали гранаты вслед танкам. Такое случалось неоднократно. Кроме того, во взводе управления было свое ПТР, из которого стреляли все кому не лень, и по танкам, и по БТР, и по пулеметным точкам противника.

Г.К. - Были какие-то ограничения в боекомплекте, в запасе снарядов?

Л.Ш. - Обычно мы имели два БК (боекомплекта) на орудие и почти не было случаев, что батарея расстреляла все снаряды до последнего, но НЗ не делали, не было необходимости. Снаряды

имели трех видов: осколочно-фугасные, бронебойные и подкалиберные, а шрапнелью мы не стреляли. Служба боепитания в полку работала как часы, снаряды доставляли на батарею под любым огнем и в самой сложной обстановке.

Да и поврежденные орудия заменялись быстро, уже на следующее утро мы получали из полковых артмастерских отремонтированное или новое орудие.

Г.К. - Как действовали в городских боях?

Л.Ш. - В Дебрецене, например, 76-мм орудия закатывали прямо внутрь дома, держа под огнем весь сектор перед нами. В Будапеште стояли прямо на берегу Дуная, напротив разрушенного здания венгерского парламента, и для маскировки позиций и укрытия от контрбатарейного огня использовали ближайшие строения.

А вот в Секешфехерваре, просто ставили орудия посреди улицы, и там, кто кого, кто первый выстрелит, укрыться было невозможно, да и не имело смысла. Приказ был однозначный - отстоять город любой ценой. Секешфехервар это длинный "вытянутый" город, но городские границы были довольно узкие и появившиеся на улицах немецкие танки мы видели издалека. В городских условиях наши потери были намного серьезнее, нас "донимали" снайперы и проникающая в наши боевые порядки через разрушенные строения немецкая пехота.

Г.К. - Отношение к пленным немцам ?

Л.Ш. - Случаи самосуда над пленными или их избиения были нередкими, и, скажу честно, что мы, офицеры, просто закрывали на это глаза. Старались не вмешиваться, даже в те моменты, когда раненых немецких солдат добивали на поле боя. Ненависть к врагу была ярой и безграничной, сдержать мстительный порыв бойцов было очень трудно, да и не всегда хотелось... Немцы разве нас жалели?...

В Чехии, уже взяли город, и тут кто-то из местных донес, что в одном из домов прячется большая группа немцев, в основном раненые. Мы сразу за автоматы и туда, немцы сдались в плен без боя, и я приказал своим бойцам отконвоировать пленных в штаб полка. Утром узнал, что половину пленных не довели, перебили, но промолчал...

Там же, в Чехословакии, среди немцев было множество "власовцев" в немецкой форме, без нашивок РОА. Если такой попадался в плен живым, то шансов он не имел...Убивали...

Г.К. - Полковой особист не вмешивался, узнав о таких эксцессах?

Л.Ш. - "Смершевцем" в нашем полку был Митя Кобылин, не самый злобный и не особо подлый человек. На расстрелы пленных он не реагировал, хотя все прекрасно знал о происходящем в полку. С офицерами-батарейцами он держался на равных, не выпендривался и не бравировал своей службой "в органах", да и мы его не особо боялись. Обычно Кобылин проявлял свою инициативу, когда по очередному "грозному приказу фронтового начальства" в частях начиналась компания по борьбе с мародерами, "трофейщиками" или еще с чем-нибудь. Он как-то арестовал моего сержанта, разведчика из взвода управления, очень боевого, неоднократно отмеченного наградами парня из детдомовцев, и хотел отдать его под трибунал. Решил его "смершевец" потрясти по поводу трофеев, так сержант с ним зацепился в разговоре на повышенных тонах. И мы, офицеры батареи, пошли к Кобылину и отстояли своего сержанта, спасли от трибунала.

Г.К. - Существовали какие-то официальные запреты "на трофеи"?

Л.Ш. - Сразу после конца войны потребовали сдать все трофейное оружие, а когда мы готовились к возвращению на Родину и должны были пересечь государственную границу в районе города Станислава, то пришел "особист" Кобылин и всех предупредил, что к перевозу запрещены "западные" пластинки, книги и открытки, и все найденное запрещенное добро будет конфисковано пограничниками, а нарушители будут привлечены к ответственности. У меня были пластинки, в

том числе и с песнями белоэмигранта Петра Лещенко, и я их все разломал, чтобы особистам не достались.

Г.К. - Какими были отношения с местным населением в освобожденных странах Восточной Европы?

Л.Ш. - В Венгрии мы все время чувствовали неприкрытое враждебное отношение со стороны местных, нас мадьяры не воспринимали как освободителей от оккупации.

Но когда мы шли с боями по Чехословакии, участвовали в боях за Брно, Братиславу, Трнаву, Комарно, то видели, как нас встречают с искренней признательностью. За все время пока полк вел бои "на Западе" у нас не было зафиксировано ни единого случая мародерства или насилия по отношению к местному населению, мы вели себя корректно, за все продукты взятые у местных офицеры платили деньгами в местной валюте.

Г.К. - В Восточной Европе офицеры получали зарплату в местной валюте?

Л.Ш. - Да, но только часть зарплаты, финслужбой делались какие-то перерасчеты. Но деньги нам на войне были не нужны, куда их было тратить? Военторг мы в глаза не видели, а в те редкие моменты, когда полк отводили с передовой на короткий 2-3-х дневный отдых, то мы тоже ничего купить для себя в ближнем тылу не могли. Часть денежного аттестата отсылалась в тыл семьям, другую часть зарплаты забирали по займу в Фонд Оборона. Начфином полка у нас был старший лейтенант Вася Телеганов, бесшабашный человек, который мог появиться посреди боя на позициях батареи, мол, "здравствуйте ребята, я тут приехал раздать зарплату", а на самом деле ему было скучно сидеть в штабе полка, его душа требовала действий.

Г.К. - Во второй половине войны чувствовался в ИПТАПах недостаток офицерского состава?

Л.Ш. - После Умани в полк пришло первое массированное пополнение офицерами.

Нас на батарее оставалось двое, я и Герман, другой офицер, лейтенант Утешев выбыл по ранению. Тогда к нам пришли лейтенанты Леша Гридин и Ваня Моисеев, очень толковые и смелые ребята. Гридин особенно выделялся на общем фоне, был незаурядной личностью, и, думаю, он по своим талантам и задаткам, мог после войны спокойно дойти до генеральского звания... И так, сначала 1944 года и до самого конца войны, выбывших из строя офицеров заменяли очень быстро, существовали фронтовые офицерские полки резерва, откуда по мере поступления заявки сразу направляли артиллеристов на вакантные места. Народу в артиллерии уже хватало, особенно в частях артиллерии крупного калибра, там уже было "просто не протолкнуться"...

Г.К. - А вот бывшие пехотные офицеры рассказывают, что до самого окончания войны редко можно было найти стрелковую роту в которой было больше двух офицеров.

Л.Ш. - Потери пехоты - это тема для отдельного долгого и не самого приятного разговора.

Я считаю, что большинство стрелковых потерь на совести слабо подготовленных и безграмотных старших пехотных командиров. Но когда некоторые ветераны-пехотинцы заявляют, что пехоту все время гнали "на убой", четыре года подряд "в лоб на пулеметы" без какой-либо поддержки, то я с подобными утверждениями согласиться не могу, поскольку после сорок второго года я такого уже не видел. Воевать мы потихоньку научились, артиллерии и танков для поддержки пехоты под конец войны появилось более чем достаточное количество, из "пепла сорок первого года" снова воскресла наша авиация, да и немцы, начиная с сорок четвертого года, стали другими, наглости и нахальства у них поубавилось, они с нами стали считаться, себя берегли, на рожон, напролом, уже редко лезли... Когда в 1943 году и в конце войны, в Венгрии, мы были приданы казачьему корпусу Плиева, то на то как воюют казаки было любо-дорого посмотреть, и в пешем строю, и

даже когда мы были свидетелями атак кавалерийской казачьей лавы. Немцы откровенно боялись казаков. В любом захваченном населенном пункте казаки моментально наводили порядок, сразу проводили военно-полевой суд над изменниками, которых после приговора отправляли " в расход на месте".

Запомнился комкор Плиев, разъезжавший на тачанке с плеткой в руках, в окружении взвода охраны. Плиев был смелым, но жестоким генералом, везде где он появлялся сразу слышался его виртуозный мат...

Г.К. - Какой эпизод войны Вы до сих пор вспоминаете с болью?

Л.Ш. - Кроме первого дня войны 22/6/1941 и выхода из "киевского окружения" был еще один эпизод, который по сей день я вспоминаю с болью в сердце.

В начале сорок второго года, в феврале, под Воронежем, мы занимали открытый плацдарм на берегу Дона, который немцы простреливали со всех сторон. Ночью нам приказали взять штурмом высокий противоположный берег, склоны которого немцы залили водой и снег превратился в сплошной лед. Под сильнейшим огнем мы пытались взобраться на этот вражеский берег, топорами рубили "дорогу" во льду, скользили и падали, ломая себе ноги, наши лошади-"монголки", падали убитые пулями и осколками батарейцы, навстречу нам обескровленная пехота выносила своих раненых. Мы руками толкали свои 76-мм орудия вверх, но в тот день все наши усилия оказались напрасными, хотя мы потеряли очень много людей. Немцы отбросили нас назад, на плацдарм. Страшный был бой...

Г.К. - Сколько лет после войны Вы продолжали служить в армии?

Л.Ш. - После войны нашу 34-ую артиллерийскую бригаду вывели в Союз, в Одесский ВО, в город Николаев. Комадование 502-м ИПТАПом принял новый комполка, ГСС полковник Новиков. Но в 1947 году нашу бригаду расформировали и офицеров раскидали по различным артиллерийским частям округа, я попал в подразделение 51-й артбригады , дислоцированное в городе Ананьев. Только в 1948 году я демобилизовался из армейских рядов. Поступил на учебу на филфак Николаевского педагогического института, после окончания которого, сорок лет, до 1993 года, я проработал педагогом в школе и заместителем директора института усовершенствования учителей.

Интервью и лит.обработка: Г. Койфман